

Рослунд и Тунберг
Сделано
в Швеции
БРАТ ЗА 2 БРАТА

Перевод со шведского
Елены Тепляшиной

издательство **АСТ** Москва

Черные люки

КРОВЬ.

Он и не знал, какая она красная.

Сколько ее помещается в женском теле.

Хватит окрасить всю кухню, всю прихожую и все лестничные ступени до самой двери подъезда. И еще останется достаточно для бегства.

Тряпка в его руке становится все темнее; он напрягает спину, упирается коленями, всем весом надавливает на кухонный линолеум, оттирая последнее пятно, полощет тряпку в ведре, в тепловатой воде с пузырями, пьются к порогу, к тому липкому, затекшему в щели.

Случившееся должно остаться здесь. В семье.

Мама, поскуливая, как раненое животное, ни разу не обернувшись, выбежала из квартиры. После нее остались кровавые следы, которые он намерен тереть, пока они не обратятся в ничто.

Лео поднимается, разминает затекшие ноги. Просто удивительно. Он должен был устать. Но чувствует себя возбужденным, встревоженным и спокойным одновременно. И невероятно сильным. Мысли отчетливы. Он точно знает, что делать. Это чувство ни с чем не сравнимо; разве только с тем первым опьянением. Но нынешнее чувство лучше: внутри мягко, снаружи — жестко.

На кухонном окне полосатые занавески, оно выходит на улицу. Лео выглядывает, ищет маму. Но ее нет, остались только пятна.

И папа.

Неужели *он* еще здесь? Сидит в машине, как будто ничего не случилось, — зачем? Чего ждет? Полицейские же могут заявиться в любую минуту.

Приехал сюда прямо из тюрьмы, ворвался в квартиру и готов был убить маму. Старший сын прыгнул ему на спину, стиснул руками шею, принудил остановиться.

С кухней покончено — ни пятнышка, пахнет чистотой.

В прихожей хуже. Здесь мать несколько раз поскользнулась, и остались пятна побольше, как лужицы. Но теперь они уменьшились; он доскребся до лестничной площадки, а вода из прозрачной превратилась в красно-мутную.

Он снова крадется к занавеске.

Желтый “фольксваген”-фургон все еще стоит внизу. Отец на водительском сиденье, передняя дверца открыта, левая нога выставлена наружу — серую штанину треплет ветер, коричневый ботинок постукивает по асфальту.

Папа, наверное, кого-то ждет. Иначе какого черта ему тут делать?

Уверен, что мама вернется?

Или он злится, разочарован, что я помешал ему, когда он схватил мать за голову и несколько раз ударил коленом в лицо? Может, решил снова подняться в квартиру на третьем этаже? И теперь моя очередь? Это же из-за меня она сбежала и осталась жива.

Но то нервное, неровное, почти счастливое — помогает справиться со страхом. Он не боится. Даже отца.

В ванной валяется мамина зеленая медицинская сумка — перевернутая, на махровом коврике, крышка

с красным крестом откинута — кто-то в ней рылся. Он оставляет сумку на полу; сначала надо затолкать половую тряпку поглубже в мусорное ведро и смыть с себя мамину кровь.

Горячая вода убирает с кожи скользкое, красивым светло-красным водоворотом уходит в слив.

Феликс разнервничался — он часто нервничает, но на этот раз было особенно видно, как ему плохо. А Винсент, самый младший, не сказав ни слова, просто закрылся у себя в комнате.

Третий контрольный взгляд через кухонное окно. А, вот. Приехала полиция. Черт, папа просто сидел и дожидался их! Они и раньше его забирали. Четыре года назад. Когда он швырял бутылки с коктейлем Молотова и спалил дом бабушки и дедушки, потому что там пряталась мама, но тогда было с точностью до наоборот — в тот раз полицейские ждали папу, а теперь папа ждал полицейских.

И вот один из них уже стоит на площадке, звонит в дверь. Высокий, довольно молодой — это видно в глазок. И когда полицейский делает шаг на коврик в прихожей, он ни фига не замечает, кровь вытерта до последнего пятнышка.

— Привет, меня зовут Петер Эрикссон. Я только сказать, что сюда уже едут из социальной службы. Ты не бойся.

— Я не боюсь. Чего мне бояться?

— Как тебя зовут?

— Лео.

— И сколько тебе лет?

— Мне хватает.

— *Сколько лет?*

— Четырнадцать.

Легавый осматривается. Оглядывает прихожую, тянется вперед — заглянуть в кухню. Но там замечать нечего, все как было: стол снова на месте, оба стула задвинуты, даже тряпичный коврик, который он перевернул, чтобы скрыть кровавые разводы, лежит между ножками стола без единой морщинки.

— Это произошло здесь?

— Что?

— Твой папа уже признался, так что я все знаю. Я приехал осмотреть место.

— Здесь.

— Где именно?

— Началось в прихожей. Продолжилось на кухне.

Взгляд легавого скользит по квартире — вдоль коридора, через порог, на кухню.

— Я вижу, ты прибрался, даже чувствую запах моющего средства. Но сейчас это неважно. А скажи-ка, твой отец бывал здесь раньше?

— Он не живет с нами уже несколько лет.

— Значит, он никогда не бывал в этой квартире?

— Нет. Мы переехали сюда из Стокгольма четыре года назад. Когда папу посадили.

Рука легавого на дверной ручке. Кажется, собрался уходить. Больше никаких вопросов, зачем ему лезть не в свое дело.

— Еще кое-что.

— Ага?

— Женщину из социальной службы, она уже едет, зовут Анна-Лена. Она проследит, чтобы вы с братьями не остались без присмотра.

— Нам не нужна помощь.

— Всем когда-нибудь бывает нужна помощь.

И он уходит. Ни словечка о том, что случилось с мамой. Папа сдался — может, поэтому.

Феликс все еще прячется за диваном в гостиной.

Но вылезает, как только Лео машет ему.

— Она... умерла? Лео? Если да, то так и скажи.

— Нет, конечно. Не умерла.

— Тогда где она? Где, Лео? На ней, наверное, живого места нет.

— Она медсестра и знает, что делать. И куда идти.

— Куда ей идти? А вдруг он и там ее найдет?

— Не найдет. Полицейские забрали папу.

— Я не понял.

— Чего ты не понял?

— Зачем он сюда приехал. И хотел убить.

— За то, что мама разрушила семью.

— Ты это просто повторяешь за папой.

— Нет. Но я папу знаю лучше, чем ты. Он такой. Он так живет.

— Но если она...

Лео ловит взволнованные, мечущиеся руки браташки, поток движений, который следует остановить.

— Феликс, я понимаю, что ты волнуешься. И тебе страшно.

— Я...

— Но я *знаю*, что она жива. Я видел. А теперь, Феликс, надо, чтобы ты мне помог — с Винсентом. Окей?

Лео отпускает обе руки, которые, кажется, все поняли — они больше не обхватывают плечи, не машут.

— Окей.

Братья вместе идут к закрытой двери.

— Винсент?

Младший не отвечает. Лео осторожно поворачивает ручку. Заперто. Он заглядывает в замочную скважину. Ничего не видно — ключ мешает.

— Винсент, открой.

Оба прислушиваются под дверью, слышат, как Винсент сопит в запертой комнате.

— Сумка.

— Я тоже ее видел. В ванной, на полу. Лео, а вдруг он поранился, вдруг...

— Я разберусь.

Лео уже идет. Куда-то. По коридору, на лестничную площадку.

— Ты куда?

— Водосточная труба.

Феликсу не улыбается остаться одному. Он смотрит на запертую дверь Винсентовой комнаты, на деревянную поверхность, в низу которой стерлась краска, и на неподвижную дверную ручку, словно желая поднять ее взглядом. Он понимает, что задумал Лео. Знает, что тот сбежит по ступенькам и бросится во двор, на зады многоквартирного дома. Именно так они залезают на балкон, когда забывают ключи. Но теперь это не поможет, ведь заперта дверь Винсента. Лео полезет по другой трубе — той, что тянется к небу между маминой спальней и комнатой Винсента, возле окна, которое Винсент не любит закрывать. Этот путь гораздо сложнее. Вдоль балкона тянутся железные перила, за которые можно ухватиться, чтобы перебраться на балкон, а у окна Винсента только узкий отлив, опасно скользкий, его краем легко порезать пальцы. Лео придется одной рукой держаться за трубу, второй — за отлив. А потом рывком пере-

бросить себя через подоконник. Это нелегко. И вдобавок... на улице вроде дождик? Тогда труба окажется скользкой, как мокрые бурые листья осенью. Феликс и сам не знает, чего боится больше. Что Лео полезет по трубе и свалится — или что Винсент поранился за закрытой дверью.

Феликс пинает дверь и тут же жалеет об этом — вдруг он напугал Винсента.

Надо просто смотреть на дверную ручку. И все. Уставиться и не сводить глаз. Считать секунды. Потом она повернется, в проеме покажется Лео, и он войдет.

Двести сорок восемь секунд.

Потом ручка и правда подается, дверь открывается.

Он никогда не видел ничего подобного.

Нигде.

Винсент лежит на кровати, и Феликс не знает, можно ли его коснуться. Не касается. Вместо этого он ищет взгляда Лео.

— Что... В смысле — Винсент... Зачем он забинтовался?

По полу, среди машинок и солдатиков, раскиданы бумажные упаковки из-под бинтов из маминой медицинской сумки. Винсент вкривь и вкось обмотан белоснежными бинтами. Все тело замотано. От лодыжек до живота, до плеч, до горла, до лица. По-детски, кое-как — между слоями бинта видны трусы, футболка и голая кожа, нарочно оставлено отверстие для рта, сетчатые края увлажнились от дыхания.

— Кровь там... Черт, Лео... она же... мамина? Или как?

— Да.

— *Только* мамина? Клянешься?

— Только мамина.

Лео опускается на корточки перед постелью Винсента и берется за край бинта, свисающий с запястья.

— Мы здесь, Винсент, с тобой. А папа далеко.

Одна рука — на повисшем конце бинта, другая — на забинтованной щеке Винсента.

— Так что, думаю, можно размотать эту фигню.

Он не успевает размотать даже первый слой. Винсент изо всех силенок вырывает бинт из рук брата, и крик его приглушен, как бывает, когда кричишь в подушку.

Феликс все еще стоит на пороге, не понимая хорошенько, что же он видит. В дверь звонят. Еще раз. По ту сторону глазка ждет женщина, о которой говорил полицейский. Тетка из социальной службы. Он точно, точно знает, что будет. И кидается обратно, к старшему брату.

— Лео, если она увидит этого, мелкую мумию, все полетит к черту.

— Тогда займись им. И говори потише. Я открою, а ты посиди с Винсентом.

Винсент уже успел сесть в кровати, схватить красный фломастер и наставить красных точек на забинтованной левой руке. Феликс слышит, как Лео открывает дверь, как соцтетка входит, как скрежетнула вешалка — тетка сняла пальто, и шепчет Винсенту, который как раз приступил к изображению особо крупной точки посреди живота:

— Ты должен лечь. Слышишь? Притворись, что спишь.

— Я не устал. И вы не спите.

— Эта, в коридоре, Винсент, слышишь ее, а? Она не должна тебя увидеть.

— Кто?

— Неважно. Но если она тебя увидит... со всем вот... увидит тебя такого замотанного, она уведет тебя с собой, понимаешь?

Расправить простыню, отогнуть одеяло.

— Да ложись ты, дурак!

Перевернуть подушку, чтобы скрыть пятна от по-та. Может, тогда Винсент ляжет.

— Она уже идет!

Винсент ложится. Он сдался, скрючился, и Феликс почти полностью накрывает его, одеяла хватает, чтобы спрятать забинтованную голову.

— А теперь дыши, как когда спишь. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Медленно.

Он выскакивает из комнаты, встречает в прихожей Лео и соцтетку; здороваются, она улыбается.

— А младший? Где он?

— Спит. Весь залез под одеяло. Так классно.

Они дают соцтетке заглянуть в комнату, и она видит то, что должна увидеть: ребенок крепко спит, будить не надо. Ну и хорошо, говорит тетка, глянув на Феликса, после чего объявляет, что хочет побеседовать с Лео с глазу на глаз.

— Только скажите сначала, как там мама.

— Феликс? Ты Феликс, да?

— Да. Как, блин, она себя чувствует?

— Ей больно, Феликс. Но она в больнице, а там знают, как позаботиться о людях в таком состоянии.

Оставшись с Лео — Феликс сидит на диване и смотрит телевизор, — тетка приступает к объяснению.